

С. Сахарнов

Легенда

Лешушем
Голдонице

С. Сахарнов

Легенда
по мотивам
Дальского

художник
И. Карачи

Встреча

Четырёхмачтовый барк с грузом китайского чая уже пересек океан и подходил к американским берегам. Матросы, которым предстояло нести ночную вахту, настолько тяжёлую, что моряки называют её «собачьей», заступили на посты. Капитан ушёл в каюту погреться, рядом с рулевым остался помощник.

Дул слабый ветер, и паруса, подрагивая, нехотя тащили судно вперёд. Над водой

стояла лёгкая дымка, солнце зашло, и прямо по курсу, там, где должен был вот-вот открыться берег, зажглась огромная южная звезда Канопус. Что-то не понравилось в ней помощнику капитана: звезда мигнула и погасла.

«Не иначе как над берегом собираются тучи»,— подумал он, но в эту минуту Канопус засверкал снова, а слева от него засе-
ребрилось лёгкое облачко.

— Странно, очень странно,— произнёс помощник.— Вы видите что-нибудь впереди, рулевой?

— Кажется, корабль,— откликнулся матрос.

— Пойду позову старика.— И помощник отлучился с палубы.

Он вернулся вместе с капитаном, но, едва поднявшись на палубу, оба офицера замерли в испуге. Прямо на барк, распустив паруса, двигалось необычное судно. Его мачты, канаты, идущие к мачтам, и паруса светились, словно натёртые фосфором. Зеленоватый свет излучали даже доски палубы и укреплённая на носу фигура полуженщины-полурыбы. Молча нёсся этот призрак навстречу барку.

— Капитан, вы видите — люди! На нём полно людей,— шепнул помощник.

На верёвочных лестницах, что соединяют борта с верхушками мачт, на реях, около надутых парусов, повсюду виднелись неподвижные фигуры матросов. На корме рядом с рулевым застыл капитан, а на носу горбился закутанный в плащ вперёдсмотрящий.

— Смотрите, паруса все разорваны. Как давно нужно плавать, чтобы они стали такими! — Помощник замолчал, поражённый.

Судно поравнялось с барком, и все увидели под капитанской шляпой, под капюшоном рулевого, под каждою матросскою шапочкой или под пучком нечёсанных волос белые кости черепов и пустые глазницы. Судно прошло, едва не задев их бортом, повернулось кормой и начало удаляться, медленно растворяясь в ночной мгле.

Офицеры стояли, не в силах произнести ни слова, а штурвал вырвался из рук рулевого.

— Ничего более ужасного я не видел,— пробормотал капитан.— Это дурной знак, нам надо торопиться в порт. Возьмите себя в руки, руле-

вой!.. А что это за гигантский кит плывёт следом? Уж не преследует ли он их?

Вот так впервые произошла встреча с кораблём, которого со временем моряки всего мира окрестили «кораблём-призраком». Мало-помалу они узнали, что судно отплыло когда-то из голландского порта с набранной там командой и что капитана судна звали Ван Страатен.

Капитан

ан Страатен был одним из лучших моряков Голландии. Шестилетним мальчишкой ступил он на палубу угольщика, совершавшего рейсы между Амстердамом и Портсмутом. Он был сиротой, и ни одна живая душа не пришла в тот день проводить юнгу. Мальчишка рос, как волчонок, молчаливый и злой, готовый дать отпор всякому, кто вздумает посмеяться над ним или отнять кусок сухаря. Зато никто быстрее не взбирался на фор-марс-площадку

на передней мачте, откуда виден не только горизонт, но и облака, кочующие далеко за ним.

Часами тёр юнга кирпичной пылью и тряпкой медный колокол на носу судна и бока медных котлов на камбузе. Спал он на пробковом матрасе, брошенном прямо на палубу, а под голову клал свёрнутые в узел штаны и рубашку.

Но мальчишка был не только зол и неприхотлив, но и настойчив: к пятнадцати годам он выучил арифметику, научился читать и мог рассчитать высоту, на которой должна стоять над горизонтом Полярная звезда, чтобы после долгого плавания можно было сказать: «Мы приближаемся к дому!»

В двадцать пять лет его сделали офицером на военном корабле, а ещё через десять лет, когда он уже успел объехать половину мира, назначили капитаном четырёхмачтовика, совершавшего рейсы между Европой и Азией.

Представьте себе великолепный корабль с двумя десятками парусов, которые, как снежные горы, поднимаются над чёрным судовым

корпусом. Представьте высокую резную корму, в которой размещена каюта капитана, а около её двери рулевое колесо с точёными спицами и компас, закрытый от непогоды медным блестящим колпаком.

Нос корабля украшала фигура наполовину женщины, наполовину рыбы. Трюмы корабля, когда он отплывал из европейского порта, были набиты тюками шерстяных и льняных тканей, а также ящиками, полными изделий из железа и бронзы — топоров, котлов и ружей. Зато, когда судно возвращалось, за ним тянулся сладкий аромат чая, кофейных зёрен и специй, которые так охотно покупали в те дни в Европе.

Но время парусников было суровое время.

Только один моряк из пяти доживал до спокойной старости, четверо находили себе смерть в солёной пучине.

То среди спокойной ночи раздастся треск, а затем и крики — корабль наскочил на скрытый под водой камень. То помчатся высоко в чистом небе похожие на птички коготки прозрачные облака, а затем и запоёт, ударит в мачты ветер. В считанные минуты усилится

до ураганного, рухнут мачты, тяжёлые волны положат судно на бок и уже через пробитые борта брызжет, несётся внутрь корабля вода...

Однако Ван Страатен не знал в борьбе с океаном поражений. Точно, день в день, приводил он к назначенному сроку свой корабль в гавань. И мало-помалу решил, что лучше его нет капитана во всей Голландии. Он перестал слушать советы старых мореходов, а с матросами, среди которых тоже много пожилых и знающих, разговаривал, как с мальчишками.

ати выросла в рыбацком посёлке и с детства знала, что участь женщины, родившейся у моря,— ждать. Каждый вечер жёны и дочери рыбаков выходили на низкий песчаный пляж, что протянулся по обе стороны крошечной гавани, и терпеливо всматривались — когда на вечернем лиловом горизонте появится первый парус. Если мужа и отцы задерживались, они так, безмолвные, стояли до глубокой ночи, до тех пор, пока густой сумрак не

смешает всё: и дома, крытые замшелой соломой, и крошечные огородики около них, и единственную мельницу с четырьмя крыльями. Случалось даже, женщины не уходили сутками, с тоской всматриваясь в волны и загадывая: кого из них на этот раз море сделает одинокой?

Вот почему, когда Кати познакомилась с Вилемом, она на третий же вечер попросила его бросить корабль и устроиться работать где-нибудь на берегу.

— Даже если ты будешь всего-навсего ночным сторожем, будешь ходить с колотушкой и фонарём и получать всего-навсего два-три талера, я буду рада. Тогда и я брошу эту таверну. Мне не нравится разносить по столикам

кружки с пивом и тарелки, надоело, что все кричат: «Эй, ты, иди сюда!», а когда я подойду, щиплют за локоть.

— Капитан Ван Страатен говорит, что мы получаем на его корабле больше, чем другие матросы,—возражал Вилем.— Он говорит, что ни его офицеры, ни боцман не обсчитывают нас. Правда, он суров, всегда молчит, а однажды приказал запороть до

смерти пойманного в краже повара. Мы попали тогда посреди океана в штиль, и едва не начался голод... Как же я оставлю такой корабль? Вся команда готова следовать за нашим капитаном хоть в ад!

— Я не хочу, чтобы ты шёл в ад. Не хочу, чтобы ты умер с голоду. Ну, послушай меня хоть раз, Вилем.

Так говорила Кати, девушка из портовой таверны, дочь рыбака, который однажды не вернулся с моря и сделал её мать вдовою.

Она говорила так до тех пор, пока однажды Вилем, прощаясь у двери её хибарки, не положил Кати руку на плечо и не сказал:

— Ну, ладно, обещаю: это будет последний рейс. Мы сегодня увидимся: вечером Ван Страатен прощается в вашей таверне с друзьями. Ещё — ты придёшь в гавань и проводишь меня, как будто мы уже поженились. Пускай все видят нас вместе.

Так сказал Вилем.

ита звали Толстый Боб. Он был из породы синих китов, а синие киты — самые большие существа, которые когда-либо появлялись на нашей планете. Брюхо у Боба было белым, всё в длинных желобчатых складках, а спина синяя. Он был так велик, что, когда подныривал под судно, поражённым матросам казалось, что под ними тянется не имеющая конца гряда голубых рифов.

Как все синие киты, он величественно плавал от одной стаи крошечных рачков к другой. Рачки клубились коричневой тучей. Подплыв, Боб приоткрывал рот и, набрав полную пасть, выпускал воду, рачки оставались, застряв в частоколе гибких пластинок, которые заменяют китам зубы.

Проглотив порцию рачков, он снова продолжал движение, изредка всплывая, чтобы пустить вверх фонтан воды и посмотреть — есть ли неподалёку второй фонтан? Там охотилась его подруга.

Дружба китов удивительна, она из числа тех чудес, на которые так щедр океан. Пара плавала вместе не первый год, и китобой давно приметили их.

Люди, чья работа — убивать китов, не очень склонны быть великодушными. И если люди до поры не преследовали Толстого Боба и его подругу, то не потому, что были восхищены их дружбой, нет, из осторожности. На китов охотились с лодок, а подойти вплотную к такому великану побаивались даже самые смелые. О, на это способен не каждый!

— Как ты думаешь, он видит в воде свой хвост? — любили спрашивать старики молодых матросов. — Видит? А вот и нет. Кит такой громадный, а вода так мутна, что он плывёт, сам не зная, где кончаются его брюхо и спина!

Так продолжалось до тех пор, пока у отмелей близ острова Ньюфаундленд (там в тот год плавали Боб и его подруга) не появилась португальская шхуна.

Команда её была набрана с бору по сосенке, все малоопытные люди, и гарпунёр шхуны был тоже человек новый. Завидев кита-великана, он приказал спустить шлюпку и с четвёркой гребцов направился к Толстому Бобу.

Кит лежал на поверхности океана, неторопливо пуская фонтаны. Всё ближе лодка, на носу её, зажав в руке остро заточенный гарпун, португалец. Вот уже огромная синяя гора совсем рядом, спина животного закрывает океан, а хвост лежит на воде волноломом. И такая мощь была в этом теле, что руки у гарпунёра задрожали.

Но тут он увидел — неподалёку всплыла подруга Боба. И тогда, крикнув гребцам,

гарпунёр направился к китихе. Та спокойно смотрела на людей. Вот лодка коснулась носом её блестящего бока, человек на носу что-то выкрикнул, взмахнул рукой — острый зазубренный гарпун вонзился в мягкое тело.

Китиха вздрогнула, захрипев, выбросила фонтан крови и начала биться. Красное пенное пятно потекло по воде. Гребцы ударили в четыре весла, лодка отскочила от животного.

Толстый Боб сначала не понял, что произошло. Китиха кружила, взбивая хвостом пену, и вдруг неподвижно застыла, вытянув разом обмякшее большое тело.

Ярость охватила Боба, заметив удиравшую лодку, кит бросился за ней.

— Он утопит нас! — закричали матросы.

Вёсла замелькали быстрее, но кит уже рядом, вот он взмыл из воды, как скала, навис над лодкою и рухнул на неё...

И надо же было так случиться, что в это время мимо проходил корабль Ван Страатена. Кит решил, что те, кто убил его подругу, при-

плыли на этом паруснике, и устремился к ним. Но ветер был свежим, корабль легко ушёл, оставив кита позади.

— Странный зверь. Что ему надо от нас? — удивился Ван Страатен.

Таверна

Никто не помнит, как называлась таверна, в которой прислуживала Кати и в которую пошёл перед рейсом Ван Страатен. Помнят только, что стояла она в глубине грязной портовой улочки, что вели в неё четыре каменные ступени, а стены и потолок были такие закопчённые, что казались стенами преисподней.

Вечером, когда начинали собираться моряки, хозяин ставил на столы узкие и длинные,

жёлтые, как кости умерших, свечи, а хозяйка и Кати разносили подносы с пивом и тарелки, на которых горками лежали красные варёные креветки.

В тот вечер собралось много народу. Здесь были и простые матросы и рабочие с верфи. Они сидели у стен, а посередине стоял большой грубой работы стол. Место за ним могли занимать только капитаны. И на этот раз они расселись кружком и начали нескончаемый спор: кто из них прошёл больше миль под парусами и у кого на корабле реже вспыхивали цинга и другие болезни, от которых люди гниют заживо.

Им было чем гордиться: не было моря, в котором они бы не побывали, и урагана, который бы не могли вспомнить.

Ван Страатен пришёл одним из первых и молча сидел, посасывая трубку и то и дело поднося к губам кружку с жёлтым пенистым пивом.

— Это произошло оттого, что мы отплыли тогда в пятницу. Через неделю судно наскочило на риф и переломилось пополам. А всё оттого, что в пятницу,— пробормотал, вспо-

миная свой последний рейс, один из капитанов.

— Чёрный день. Тебе не следовало слушать хозяина груза, как бы он ни торопил,— поддерживал его другой.— Вот что значит покидать порт в пятницу!

Оба старика кивнули друг другу, а в это время третий уже начал рассказ о том, как он однажды пытался зимой обойти мыс Горн, идя навстречу ветру.

— Никогда не видел таких волн, как в те дни,— вытирая слезящиеся глаза, вспоминал он.— Да, да, и вы не видели таких. Их пригнал из глубины океана ураган, а ударившись о скалы, они становились ещё больше.

Они катились рядами, большие, как горы, и каждый новый ряд был выше предыдущего. А свист ветра? Он был такой, что ни один матрос не слышал моей команды.

— Что говорить, не родился ещё человек, который бы обогнул мыс Горн зимой,— согласились все.

И тогда поднялся Ван Страатен. Лицо его стало бледным, а губы сжались. Он поднял руку, все разговоры стихли.

— Я не верю ни в одну примету,— глухим голосом произнёс он.— Не верю в приметы и не верю, что есть сила, способная остановить крепкий, ладно построенный корабль и отчаянных людей. Завтра мы должны выходить в рейс. Так вот — мы не отплывём завтра. Мы дождёмся пятницы. И мы не пойдём, как обычно, вокруг Африки, а пойдём к мысу Горн. Мы пройдем его и посраим тех, кто верит дурным рассказам. Клянусь!

Он сел.

Над столами нависла тяжёлая тишина.

— Подумай, Ван Страатен,— сказал наконец самый старый и осторожный из капитанов.— Здесь у нас уже зазеленели поля, скоро лето. Когда ты подойдёшь к мысу Горн, там в самом разгаре будет зима. Подумай, не гневи Создателя. Бог добр, и если он подаёт нам знаки, то только потому, что оберегает нас.

Так сказал старый капитан, но Ван Страатен, выслушав его, расхохотался. Он перевернул пустую кружку вверх дном, бросил на неё серебряную монету, плату за пиво, и, сунув трубку в карман, вышел на улицу.

Никто не остановил его, и никто не пошёл следом, но свечи, до того ровно горевшие на столах, вдруг начали коптить и одна за другой погасли.

Скала

ак всё-таки, что это за мыс Горн, о котором с таким страхом говорили старые капитаны?

«Ревущим» прозвали моряки океан, что лежит на самом юге. Земля, как известно,— шар, и оттого здесь, недалеко от законных в лёд берегов Антарктиды, само собой получилось кольцо, где ветер, не останавливаемый ничем, дует круглый год в одном направлении, с запада на восток.

Он чуть-чуть умеряет силу летом, зато, как только придёт зима, становится ураганным. Он мчит, поднимая огромные волны, и те послушно идут вереницей, пока не обогнут весь земной шар. Ничто не может остановить их или умерить силу ветра. Мрачные, опасные места!

И вот именно тут, на пути волн и ветра, возвышается одинокая скала, крошечный клочок земли, зуб на конце материка, чёрный горбатый камень, иссечённый дождём и ветром. Ни один человек не живёт здесь, только в воздухе в любую погоду с тоскливым криком носятся морские птицы, да у самой воды лежат, тесно прижавшись друг к другу, огромные тюлени, которых за вытянутые висящие носы матросы прозвали морскими слонами.

Таков мыс Горн.

ан Страатен сдержал своё слово. Он дождался пятницы и в полдень, когда солнце стояло прямо над красными черепичными крышами, приказал матросам убрать канаты, которыми корабль удерживается у берега.

Сотни людей молча смотрели, как уходит в плавание безрассудная команда.

Среди стоящих на причале была и Кати.

— Вилем,— говорила она,— я очень тебя прошу, не ходи в этот рейс. В городе шепчутся про него с ужасом.

— Ладно, что поделаешь, пусть он будет последним. Я обещаю тебе вернуться и больше не плавать. Обними, меня ждут. И дай что-нибудь на память, чтобы я мог всё время помнить тебя.

Тогда Кати сняла с себя пёстрый платок и повязала его Вилему на шею.

Парусник вышел в море. Долгие месяцы плыл он на юг, пока перед носом судна не поднялся из воды мыс — чёрная голая скала. Был июль — на далёком юге это середина зимы, — белые мухи уже вились между мачтами, а над мысом, как всегда, кружились, тоскливо крича, предвещая очередную бурю, птицы.

— Однако вам повезло, капитан, шторма ещё нет,— сказал кто-то из матросов.— Вам всегда везёт.

Тут-то и задул западный ветер. Он в считанные минуты покрыл море белыми шапками, воя, обрушился на корабль и отбросил его далеко назад.

— Будь всё проклято, я всё-таки пройду этот мыс! — воскликнул Ван Страатен. — Пройду, пройдёте его и вы вместе со мной!

И команда, как один человек, откликнулась:

— Мы пройдем этот мыс!

День за днём — один день ужаснее другого, никто из моряков не помнил таких штормов, даже огромные ленивые тюлени покинули в те дни свои камни — приводил Ван Страатен судно к этому месту. Он уже почти проходил мыс, но злобный ураган каждый раз отбрасывал судно назад. Паруса изорвались, палубные доски позеленели от сырости, в трюмах зарокотала и заплескалась вода, но матросы, ослеплённые верой в капитана и ни словом не возражавшие ему, пытались совершить невозможное.

Дни сменялись неделями, недели месяцами, месяцы сложились в год, и, наконец, Бог, который любит людей, но всегда осуждает безумие и гордыню, разгневался. Он проклял Ван Страатена и его команду и осудил их на вечные скитания по морям до наступления Страшного суда.

Между тем Толстый Боб метался по океану в поисках обидчиков. И вот однажды, всплыв, он увидел на горизонте судно, расположение мачт и парусов на котором показалось ему знакомым.

Команда тоже заметила кита, но заметила, когда он уже мчался прямо на них.

— Капитан, он потопит нас! — закричали матросы.

Ван Страатен, оттолкнув рулевого, изменил курс, и удар огромной чёрной головы пришёлся вскользь в корму. Затрещало изъеденное морским червём дерево, судно качнулось, но порыв ветра надул паруса, и матросы вновь потеряли Толстого Боба из виду.

— Этот кит послан нам как предостережение. Это сама смерть охотится за нами, — решили они.

Корабль-призрак

рошли долгие-долгие годы.

О том, как моряки впервые увидели корабль с мертвецами, я уже рассказывал. С тех пор призрачный корабль встречали многие. Чаще всего эти встречи происходят по ночам, а если днём, то в густом тумане или когда над волнами повисает мелкий, похожий на белую крупу дождь.

Бывает это так: в густой серой мгле появляется тёмное пятно, оно надвигается на судно

и вдруг, разорвав завесу тумана, превращается в стоящий без движения парусник.

Паруса его висят на реях, как тряпки, канаты оплели мачты подобно паутине, а на палубе, одетые в лохмотья, расселись мертвецы.

Кто замер, сделав последний ход в кости, кто зажал в зубах холодную трубку, кто свесил голову, делая вид, что спит. Но не успеет команда встречного судна разглядеть их как следует, туман смыкается снова и тёмное пятно исчезает.

В особенно сильный шторм, когда, казалось, перемешались и воздух и вода, когда дождь и брызги от волн мчат с воём, а свист ветра не позволяет слышать команду, когда все паруса убраны, но корабль всё равно несётся, кренясь и черпая бортом воду, бывает — впереди замелькают огни и возникнет белый, словно осыпанный снегом парусник.

Он промчится мимо, едва касаясь волн и роняя с верхушек мачт искры. На палубе его не видно ни души, только на корме, около закреплённого рулевого колеса, торчит

согбенная фигура — человек в капитанской шляпе.

— Это безумный Ван Страатен! — шепчут измотанные штормом моряки.

А был даже случай, когда встреча с Голландцем произошла в ясный погожий день. Она выпала на долю английского брига.

Море было спокойным, и корабли медленно двигались навстречу друг другу. Остановившись за четверть мили, призрачный корабль спустил на воду шлюпку, и та направилась к англичанам. Те сгрудились у борта.

Стало видно — гребут четверо скелетов, а на корме сидит, облокотясь на кормовую доску, кто-то без лица, в поношенном камзоле.

Подойдя к борту, шлюпка остановилась, и тот, кто сидел на корме, хриплым безжизненным голосом крикнул:

— Письма в Голландию!

Поднял лежащий у ног мешок и бросил его на палубу брига.

Шлюпка направилась обратно, и призрач-

ный корабль растаял, словно растворился в тёплом, дрожащем воздухе. А когда англичане, развязав мешок, достали письма, те рассыпались в прах.

Камень

о что же случилось с Кати?

Как только подошёл срок возвращения Вилема, девушка стала расспрашивать матросов: где Ван Страатен и его люди? И каждый раз ей отвечали, что они должны вот-вот прийти, а порой даже говорили, что судно уже видели недалеко в море.

Тогда она надевала своё единственное хорошее платье и шла в гавань.

Вот на горизонте показалась белая пирамидка, вот уже зачернел под нею корпус судна, вот оно проходит входной буй и, роняя один парус за другим, входит в гавань.

— Это опять не он,— шепчет Кати и нехотя, всё время оглядываясь, уходит.

Так прошло несколько лет. Наконец хозяин таверны накричал на неё:

— Ты стала рассеянной! Второй раз за неделю роняешь тарелки. И ещё — посетители жалуются, что ты никогда не улыбнёшься. Не за тем мы ходим сюда, чтобы видеть её слёзы, говорят они. Уходи, такие, как ты,— мне не нужны!

И он выгнал Кати.

Чем жила она, не знает никто. Забыли и её имя, но жители рыбацкого посёлка много лет рассказывали, что каждый вечер из дверей покосившейся хибарки, что на самом краю селения, выходила маленькая женщина и шла на берег моря. Там она находила валун, омываемый волнами, садилась на него, вглядываясь в даль. Она смотрела на туманный горизонт, по которому бродят синие облака и по которому изредка проплывает парус. Там

однажды и нашли её лежащей: одна рука опущена в воду, а лицо по-прежнему повернуто в сторону моря.

Но вот как-то, выйдя на берег, жители посёлка с удивлением снова обнаружили на валуне сидящую женщину. Она была как две капли воды похожа на Кати, но только вся из камня.

Кто говорит, что статую изваял художник, которого поразила история девушки, но есть и такие, кто утверждает: в камень превратилась сама Кати, и это она по-прежнему ждёт, когда вернётся корабль с её женихом.

И ещё... Если когда-нибудь, выйдя на палубу великолепного, движимого силой пара и электричества судна, вы увидите на гори-

зонте серебристое облачко — ждите.

Может быть, вам повезёт (особенно если это будет ночью или поздним вечером) — из сумрака приблизится и надвинется на вас странный светя-

щийся корабль. Паруса его изодраны, корма разбита, а около руля, у мачт и на носу рядом с фигурой женщины-рыбы вы, может быть, успеете разглядеть людей, их пустые глазницы, костяшки вцепившихся в канаты паль-

цев, а среди них — капитана, в грубом позеленевшем от времени плаще, и матроса, на шее которого повязан женский платок.

Когда корабль исчезнет, появится преследующий его огромный кит...

Таков рассказ о корабле, известном среди моряков под прозвищем «Летучий Голландец», о его капитане и команде, которая обречена на вечные скитания за безумную гордыню своего водителя и слепую верность ему людей.

Конец

Всепеца 10

16

Канумати

25

Девушка

33

Кум

Табёрна 43

Ураган 58

Скала 53

Корабль-призрак 66

Камень 74

«ЗОЛОТОЙ ПЕЛЮШОК»
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»